

и даже позднейших исследователей и по поводу затронутой проблемы, и более широко — относительно права женщины выступать в качестве эксперта. После дискуссии по этому не утратившему актуальность вопросу конференция завершилась.

Запись конференции доступна на YouTube-канале портала «Автограф. XX век»: <http://literature-archive.ru>.

© Л. В. Хачатурян

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-299-307

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX–XX ВЕКОВ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЕГОРОВА**

31 мая — 2 июня 2021 года Институт русской литературы (Пушкинский Дом) и Санкт-Петербургский институт истории РАН провели совместную международную конференцию «Проблемы русской литературы, культуры и общественной мысли XIX–XX веков», посвященную 95-летию со дня рождения Б. Ф. Егорова (1926–2020). Выступил 71 докладчик из России, Беларуси, Грузии, Израиля, Молдовы, Польши, Украины, Швеции, Эстонии, Южной Кореи и Японии. В связи с пандемией конференция проходила в смешанном формате — очно и в онлайн-режиме на платформах Телемост и Zoom и транслировалась в YouTube, где на канале «ИРЛИ РАН Пушкинский Дом» сохранились записи ее заседаний.

Открывая конференцию, директор ИРЛИ В. В. Головин поделился воспоминаниями о последних выступлениях Б. Ф. Егорова в Институте, подчеркнув, что «проведение конференции, ему посвященной, — большая честь для Пушкинского Дома, где Борис Федорович постоянно бывал, но никогда не работал; он всегда был с нами».

Директор СПбИИ А. В. Сиренов в своем приветственном слове отметил, что Б. Ф. Егоров олицетворял собой соединение истории и литературоведения, историко-филологическую науку, в пространстве которой он совершенно естественно жил, являясь самоочевидно для всех и выдающимся историком, и выдающимся литературоведом.

Пленарное заседание открылось докладом А. П. Дмитриева (Санкт-Петербург) «Б. Ф. Егоров как исследователь славянофильства», в котором был сделан аналитический обзор публикаций ученого по этой научной проблеме, выделявшихся на общем фоне исследований 1960–1980-х годов, нередко искаженных идеологической конъюнктурой, и представлены неизвестные факты его противостояния органам советской цензуры в борьбе за возможность научного издания наследия К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, а в заключение проведена

презентация подготовленных ученым, но вышедших посмертно томов собраний сочинений А. А. Григорьева и Хомякова.

Ким Су Кван (Южная Корея) в докладе «Ю. М. Лотман под руководством Б. Ф. Егорова: от „теории“ к „мысли“» проанализировал этапы своей работы над диссертационным исследованием семиосферы Лотмана. Докладчик показал, как благодаря общению с научным руководителем Б. Ф. Егоровым менялось его представление о Лотмане — от теоретика семиотики, стоящего вровень с У. Эко и Р. Бартом, до глубокого мыслителя, который в сложном культурном и политическом контексте советского времени пытался сохранить себя и свое слово.

Нонака Сусуму (Япония) представил доклад «Беседы с Б. Ф. Егоровым о смехе и истине», в котором рассказал о пятидесятилетней дружбе русского ученого и японского русиста Рёхей Ясуи (1935–2020), специалиста по славянофильству, а также о своем личном общении с Б. Ф. Егоровым, одобрявшим, в частности, его исследование о Гоголе и Горации, касающееся выражения в «Ревизоре»: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!..», которое, на взгляд докладчика, восходит к стихам Горация: «Quid rides? Mutato nomine de te fabula narratur» («Чему смеешься? Переменивши имя, о тебе басня повествует»). По воспоминаниям докладчика, Б. Ф. Егоров не только поддержал его исследование, но и увидел в нем свидетельство всемирности русистики.

В докладе Татьяны Шор (Эстония) «Юмор и ирония в переписке Ю. М. Лотмана и Б. Ф. Егорова в период „перестройки“» был проанализирован «особый язык» ученых — литературная переписка и многоголосие, выраженные цитатой, намеком, шуткой, аллюзией и др. Ирония и юмор в их переписке интерпретируются как элемент «освобождения от напряжения» (А. Бэн, Г. Спенсер) и преодоления психологического дискомфорта (З. Фрейд), они выполняют функцию метода

описания научной элитой отношения к внешнему (наука, социум) и внутреннему (субъективному) мирам в сложный период саморазрушения социальной системы.

Л. Ю. Гусман (Санкт-Петербург) представил доклад «Б. Ф. Егоров — историк кружка петрашевцев», в котором оценил вклад ученого в устранение многих лакун в историографии этого общества, прежде всего в изучение идейных отношений позднего Белинского, отказавшегося от утопизма и политического романтизма, с петрашевцами и влияния позитивизма на их философские воззрения. Ученый усматривал в риторике членов кружка элементы будущей нечаевщины, но высоко ценил их одаренность, скорбя об их «несбывшихся судьбах» и не до конца реализовавшихся талантах.

В докладе Л. В. Павловой и И. В. Романовой (Смоленск) «„Получится интересная и драматическая в целом переписка“: Б. Ф. Егоров и В. С. Баевский (из неосуществленного замысла)» были проанализированы материалы издательского проекта, к реализации которого докладчицы приступили в марте 2019 года при поддержке Б. Ф. Егорова, передавшего им выдержки из своего дневника с описанием 17 поездок в Смоленск (1989–2008) и копии 160 писем В. С. Баевского к нему. В докладе также был представлен обзор содержания 111 ответных писем Б. Ф. Егорова и дневников В. С. Баевского.

В докладе А. Г. Готовцевой (Москва) «К творческой истории „Книги для учителя“ Ю. М. Лотмана „В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь“» на основе переписки Лотмана с Б. Ф. Егоровым и Б. А. Успенским и документов из архивов Москвы, Таллинна и Тарту была показана эволюция проекта монографии Лотмана, отражающей историко-литературный процесс, — от неудачной попытки издания в 1960-х годах к книге «В школе поэтического слова...» (1988). Б. Ф. Егоров ознакомился с данным материалом в виде статьи в августе 2019 года и прислал отзыв, а также поправки.

А. Н. Ларионова (Череповец) выступила с докладом «„Дневниковый фрагмент“ в структуре повестей А. А. Григорьева „Человек будущего“, „Мое знакомство с Виталиным“, „Офелия“, в котором были проанализированы присутствующие в тексте повестей дневниковые записи главного героя. Они неоднородны в жанровом отношении и включены в основной корпус текста при помощи различных композиционных приемов, благодаря чему автор, следуя идее поэтапного раскрытия характера героя, получает возможность показать противоречивость и сложность его натуры.

Н. В. Ковтун (Красноярск) представила доклад «Образ трикстера в романе В. Маканина „Андеграунд, или Герой нашего времени“», отчасти отталкивающийся от идей Ю. М. Лотмана и Б. Ф. Егорова о перспективности образа трикстера, лицедея, обманщика в русской

культуре. В анализируемом романе В. Маканина (1998) трикстер (Петрович) — главный герой. Текст построен по принципу солилоквизма — разговора героя с самим собой как обыгрывания возможных судеб, каждая из которых воплощается одним из его двойников, сходных с ключевыми персонажами русской классики.

Продолжилась работа конференции секцией «Русская литература XIX–XX веков: поэтика, эстетика, теория, методология». Доклад М. В. Калашникова (Саратов) «„И я бы мог [как шут ви...]“: к вопросу взаимоотношений А. С. Пушкина и К. Ф. Рыльева» был посвящен интерпретации недописанной черновой строки Пушкина под рисунком с повешенными декабристами, неоднократно привлекавшей внимание исследователей. По мнению докладчика, поэт зафиксировал мысль о Рылееве, в котором видел шута («над кем смеются»), но, осознав ее бестактность, оборвал строку на полуслове. Одновременно это и автобиографическая ремарка, сходная с восклицанием короля Лира: «И мой бедный шут повешен!».

В докладе В. А. Гайкина (Владивосток) «Повесть Станислава Лема „Солярис“ — аллегорическое изображение СССР (России)» была предпринята попытка «расшифровать» фантастический сюжет о планете с разумной протоплазмой, устанавливающей тотальный контроль за каждым человеком. С. Лем, юноша из львовского подполья, остался конспиратором, шифрующим опасные мысли, однако дал подсказку: если в названии Solaris переставить буквы, получится слово L’Rossia; к тому же, вопреки грамматике польского языка, планета Солярис, как и Россия, женского рода.

С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) в докладе «Осип Дымов, Шарль Бовари и крыловский Муравей (к понятию интертекстуальной структуры художественного произведения)» сопоставил героев рассказа Чехова «Попрыгунья» и романа Флобера «Мадам Бовари»: чеховский врач словно бы реализует потенциал, заложенный в докторе-неудачнике Флобера. Критическая реинтерпретация Чеховым романа Флобера (а заодно и его гипертекста — толстовской «Анны Карениной») опирается на мораль Муравья из басни Крылова «Стрекоза и Муравей», явные отсылки к которой содержит заглавие и текст рассказа.

И. Е. Мелентьева (Москва) представила доклад «Кто вяжет у русских классиков: к вопросу о тургеневской старухе», в котором на материале прозы Тургенева было выявлено, что его вечный женский мир полностью разделен на две части — молодость (девушка) и старость (старуха), причем к старушечьему полюсу относятся, в частности, визальные принадлежности. Монотонное, автоматическое движение спиц вяжущей старухи избавляет от скуки, заполняет пустоту и бессобытийность жизни, а также придает замедлившемуся существованию видимость движения, изменения и роста.

О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Добролюбов и Чернышевский на страницах произведений и писем К. Н. Леонтьева», в котором была рассмотрена история формирования у «русского византийца» особого отношения к данным критикам как к «любимым врагам». Были прокомментированы все случаи упоминаний Добролюбова и Чернышевского в текстах Леонтьева, особое внимание уделялось незавершенному роману «Две избранницы», где фигурируют оба критика: Добролюбов — как «Добромыслов, известный нигилист», а Чернышевский — как «один из этих извергов».

В докладе В. А. Викторovichа (Коломна) «Н. Г. Чернышевский как homo ludens» было показано, что игровое начало присутствует не только в художественной прозе автора «Что делать?», но и в не меньшей степени в его публицистике. Эта особенность словесной стратегии соотносима с характерными примерами разыгрывания различных комбинаций в жизненной практике Чернышевского, общественной и семейной. В данном контексте конкретизируется природа «Писем без адреса» как игры с властью.

В центре доклада О. В. Тимашовой (Саратов) «Исследования Б. Ф. Егорова по теме „молодая редакция“ журнала „Москвитянин“ в научной работе и университетском преподавании» — работы ученого, затрагивающие поэтику и биографию А. Ф. Писемского: было рассмотрено участие писателя в «молодой редакции», его взаимоотношения с Ап. Григорьевым, деятельность после закрытия «Москвитянина», традиции «молодой редакции» в творчестве критика Н. И. Соловьева. Б. Ф. Егоров, в свое время ознакомленный с гипотезами докладчицы, дополнившими его наблюдения, согласился с ними.

В докладе В. В. Прозорова (Саратов) «Б. Ф. Егоров об „Истории медиакритики в России“» речь шла о творческих связях ученого с саратовскими филологами, вступавшими с ним в профессиональные, дружеские, бытовые диалоги. Основное внимание было уделено тому поощрительному интересу, с которым Б. Ф. Егоров встретил первый в отечественной науке исследовательский проект саратовских авторов, направленный на поэтапное создание истории русской медиакритики XIX–XXI веков. Б. Ф. Егоров внимательно следил за ходом работы и в мае 2019 года откликнулся на коллективную монографию по теме развернутой рецензией.

С. И. Гиндин (Москва) в докладе «Библиографические работы Б. Ф. Егорова в историческом и научном контексте» обратился к двум группам трудов ученого: указателям публикаций критиков XIX века, сопровождавшим его монографические статьи о тех же критиках, и выходявшим с 1986 года каждые пять лет указателям трудов самого Егорова, составлявшимися при его участии. Столь ответственное отношение к фиксации собственного творческого пути, по мнению докладчика, образует

важную параллель к предложенной П. Н. Берковым концепции библиографии как отчета и самоотчета культуры.

В докладе А. В. Радионовой (Смоленск) «Этическая рефлексия в творчестве Б. Чичибабина» была рассмотрена специфика лиро-философского метатекста стихотворений Чичибабина с лирической «ситуацией кредо», содержащей презентацию индивидуальных моральных приоритетов. Были прослежены присущая его поэзии связь этического и эстетического, единство категорий «добро» и «прекрасное»; выяснено, что к частотным в лирике Чичибабина относится категория «совесть», связанная с осмыслением творческой судьбы в неблагоприятных условиях общественной жизни.

Следующая секция («Проблемы источниковедения, дневники, мемуары, эпистолярный XIX–XX веков») началась с выступления А. Ю. Андреева (Москва) с докладом «„Друг императора“ — российский оксюморон или историческое явление? Отношения Александра I и профессора Г. Ф. Паррота по их переписке», где анализировалась двадцатипятилетняя дружеская переписка российского императора с дерптским профессором Георгом Фридрихом Парротом (1767–1852), отразившая переживания корреспондентов, которые следует интерпретировать в русле эмоциональной культуры романтической эпохи. В письмах велось обсуждение политических преобразований в духе идей либерализма, свидетельствующее об известном влиянии Паррота на реформы начала XIX века.

В докладе Н. П. Матхановой (Новосибирск) «Проблемы научной публикации эго-документов недавнего прошлого» были рассмотрены особенности решения эдиционных проблем в практике издания эго-документов в последнее пятидесятилетие. Проанализированы затруднения в определении состава научно-справочного аппарата, места размещения, объема и степени подробности комментариев, типа именованного указателя — аннотированного или «глухого», а также отмечены важность учета хронологического промежутка между написанием и изданием эго-документа, необходимость купюр в тексте и проч.

Доклад Н. И. Загороднюк (Тобольск), Е. Н. Коноваловой (Тобольск) и О. В. Трофимовой (Швеция) «„Картина Тюмени, изображающая этот город в религиозно- и политическо-нравственном отношении“ 1852 г. как источник по истории русской общественной мысли» был посвящен обзору 19 рукописей ссыльнокаторжного «тюменского гражданина» Федора Бузолина в сопоставлении с так называемой сибирской литературой («Записки из Мертвого дома» Достоевского, «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» Н. Ядринцева, «Очерки из жизни в Сибири» Н. Лухмановой и др.) и краеведческими публикациями в «Тобольских губернских ведомостях».

В докладе Е. Г. Падериной (Москва) «Н. Г. Чернышевский — читатель „Выбранных мест из переписки с друзьями“ и „Авторской исповеди“» Н. В. Гоголя» была предпринята частичная переоценка представлений о Чернышевском как последователе Белинского и оппоненте Дружинина. В отличие от Белинского, Чернышевский призывал не судить, а попытаться понять позднего Гоголя, не принимать как аксиому миф о духовном и творческом кризисе писателя; и в этом он сближался с Дружининым, утверждавшим важность всего гоголевского наследия для развития отечественной литературы.

Е. Г. Елина (Саратов) представила доклад «Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы», в котором были выделены следующие ключевые особенности мемуарных текстов Б. Ф. Егорова: документальность воспоминаний, уход от выражения эмоций по поводу событий и от так называемого культурного лицемерия, принцип логических взаимосвязей начала, продолжения и завершения жизни, поколенческая парадигма, «разрастание» подробности, шутка, ирония, стремление к противопоставлению характеров («сопоставление по контрасту»). Б. Ф. Егоров видел в мемуарах источник воскрешения духовной биографии целых поколений.

Другой ракурс той же проблемы был представлен в докладе В. Ш. Кривоноса (Самара) «Путешествие в прошлое: о мемуарной прозе Б. Ф. Егорова», продемонстрировавшем, что воспоминания ученого отличает особый интерес к личной истории, вписанной в общий исторический ход. Причем мемуары Б. Ф. Егорова служат не только способом воспроизведения, но и преобразования картин прошлого, высветившихся в памяти мемуариста: неповторимость личности и частной биографии позволяет по-новому увидеть и осмыслить все, что случилось и произошло в жизни общества и человека.

Эвелина Пилярчик (Польша) и Татьяна Кузовкина (Эстония) выступили с докладом «Эпистолярные (авто)портреты в переписке Ю. М. Лотмана с Б. Ф. Егоровым», в котором с опорой на теорию письма Стефании Скварчинской анализировались формулы обращения и прощания, пунктирность эпистолярной коммуникации близких друзей и единомышленников, исполнение самоиронии рисунки Лотмана; характеризовались особенности кода общения корреспондентов: демонстрировались примеры интертекстуальных отсылок различного рода и игры с литературными и визуальными текстами.

Г. А. Закроева (Москва) в своем докладе «Повествовательные мотивы в сюжете очерка „Из воспоминаний“ Д. С. Лихачева» рассмотрела сюжетобразующие «мотивы-события», повторяющиеся на протяжении всего очерка Лихачева, — прежде всего мотивы благодарности, памяти звука, «связи времен», нравственности, труда, чувства природы и истории. По наблюдениям докладчицы, в картине

мира героя важны мнемонические детали, позволяющие ему ощущать полноту жизни.

Олесь Федорук (Украина) выступил с докладом «Текстологические вопросы издания романа П. Кулиша „Алексей Однорог“», в котором указал на сложности критического издания этого произведения. Кулиш опубликовал роман (1852, 1860) как самодостаточный текст, но с явными признаками неоконченности. В 1863 году он издал цикл рассказов «Встреча», «Братья», «Два стана», каждый с подзаголовком «Отрывок с исторического романа начала XVII века». Сохранившаяся рукопись первого из этих рассказов, озаглавленная «Алексей Однорог. Том второй» (1859), указывает на непосредственную связь романа с циклом.

Следующая секция конференции была посвящена проблеме «Россия и Запад в истории русской общественной мысли и литературы XIX — начала XX века». В докладе В. С. Парсамова (Москва) «Философский диалог в творчестве Жозефа де Местра и Владимира Соловьева («Санкт-Петербургские вечера» и «Три разговора»: опыт сравнительного анализа)» были сопоставлены произведения, в которых сходные проблемы решаются по-разному. Местра интересует вопрос ответственности Бога за существующее зло, для Соловьева важнее проблема сопротивления злу. В вопросах войны и мира Соловьев занимает позицию между пацифизмом Толстого и представлением Местра о предустановленности войны как наказания людям. В «Трех разговорах» Местр выступает неназванным антиподом Толстого.

Доклад А. А. Лисицной (Ростов-на-Дону) «„Рассуждение о мире и войне“ В. Ф. Малиновского в контексте европейской антивоенной мысли Нового времени» был посвящен анализу трактата В. Ф. Малиновского (1803), в котором, опираясь на идеи естественного права и общественного договора и на проекты всеобщего мира Ш.-И. де Кастеля, Ж.-Ж. Руссо и А. Гудара, русский просветитель дает свое объяснение сущности мира и войны, выдвигает аргументы против войны и развивает идею создания союза европейских государств, чья деятельность была бы направлена на поддержание мира.

В докладе М. С. Белоусова (Санкт-Петербург) «Польский бунт, французская пресса, Александр Пушкин и его ода» на основе анализа историографии, французской прессы и оды «Клеветникам России» была выдвинута гипотеза о том, что у произведения не было конкретных адресатов среди французских депутатов или русских либералов, — поэта раздражала полонифильская риторика, и он создал оду, отражавшую не столько его политические взгляды, сколько его увлеченность речевыми конструктами различных и иногда противоречащих друг другу «образов мыслей».

Г. В. Стадников (Санкт-Петербург) в докладе «Н. Лесков и Г. Гейне» отметил, что ссылки русского писателя на стихи и прозу немецкого поэта порой отличались многозначи-

тельностью. В качестве примера был рассмотрен эпизод с героиней романа «Некуда» Лизой Бахаревой, в прошлом членом коммуны нигилистов, которая, будучи при смерти, сначала отказалась от исповеди и причастия, а потом, узнав о предсмертном обращении Гейне, изменила свое решение. Лесков же опосредованно откликнулся на журнальную дискуссию об искренности покаяния Гейне.

В докладе В. А. Доманского (Санкт-Петербург) «„Западник“ и „русский европеец“ в концепции И. С. Тургенева» было установлено, что понятие «русский европеец», выдвинутое Вл. Соловьевым (1899), применительно к Тургеневу впервые употребил П. Н. Милуков (1933). Тургенев не считал настоящими европейцами тех русских людей, которые слепо перенимают западные ценности, не учитывая национальную специфику, русскую ментальность; но таких персонажей у Тургенева, как и в реальности, немного.

Т. В. Андреева (Санкт-Петербург) представила доклад «Понятие „народности“ в теории официальной народности в освещении Б. Ф. Егорова», продемонстрировавший, что в трактовке ученого уваровская версия народности имела отличный от предшествующей историографии смысл. Категория «народность», обусловленная необходимостью сохранения национальной идентичности в условиях деформации в Европе религиозных и народных оснований, в уваровской триаде подчинила себе и православие, и самодержавие и являлась приоритетной в системе ценностных установок Николая I и его окружения.

Л. В. Височков (Санкт-Петербург) представил доклад «Мир книг Николая I», в котором на основании многочисленных источников (ученические тетради, отзывы современников, «Записные книжки» 1822–1825 годов) восстанавливается круг чтения Николая I, внимательно следившего за новинками западноевропейской литературы (В. Скотт, А. де Виньи, П. де Кок, Шатобриан, Э. Сю и др.). Представленный материал позволяет обрисовать иной образ Николая I, отличный от устоявшегося клишированного представления об императоре как человеке с ограниченным кругозором.

Доклад С. К. Лебедева (Санкт-Петербург) «Государственный кредит России и европейские медиа в конце XIX — начале XX в.» был посвящен истории целенаправленного манипулятивного влияния через заказные публикации в заграничной печати на «финансовый образ» России в мире в интересах русского государственного кредита в период правления С. Ю. Витте. Особое внимание уделено роли международных банков, а также информационных и новостных агентств, создававшихся для Западной Европы и Восточной Азии с целью обслуживания русских финансовых интересов.

В докладе К. В. Проничевой (Санкт-Петербург) «Д. В. Григорович и „художественная промышленность“ в России в 1860-е гг.» рассматривалась история бытования понятия

«художественная промышленность» в Европе и России во второй половине XIX века. Основное внимание было уделено деятельности главного отечественного пропагандиста этой идеи Д. В. Григоровича (теоретические работы, участие в создании художественно-промышленного музея при Строгановском училище в Москве, реформа Рисовальной школы при Обществе поощрения художеств и основание художественно-промышленного музея в Петербурге).

А. С. Собенников (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Миф о народе в русской литературе в свете „Мифологий“ Р. Барта», в котором выдвигается тезис о мифопорождающей роли русской литературы и прослеживаются отдельные этапы сложения мифа о народе (от Пушкина до Толстого) с учетом устойчивых мотивов (нищелюбия, страдания, долготерпения, спасения, «правды»), восходящих к христианской аксиологии. Проведенный анализ позволил докладчику сделать вывод о том, что данный миф, в силу литературоцентричности русской культуры, стал фактом общественного сознания, политики, идеологии.

Выступление Л. Е. Ляпиной (Санкт-Петербург) «Западноевропейский контекст в становлении детской русской литературы XX века: сказки Р. А. Кудашевой» было посвящено рассмотрению вольных переложений произведений В. Буша, Ф. Хофмана, Э. Бесков, С. Ольферс, Г. Ланга и др., выполненных Кудашевой, а также ее оригинальных сказок. На основании сопоставительного анализа обширного материала выявлены основные принципы сложения «детских» текстов Кудашевой, созвучные принципам, сформулированным позднее К. Чуковским и значимым для развития детской литературы XX века в целом.

Л. М. Аржакова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Русский патриот в Варшаве: Н. И. Павлицев и его малоизвестная монография 1832 г. (по материалам Рукописного отдела ИРЛИ РАН)», в котором рассматривалась работа Н. И. Павлицева о «Варшавском обществе любителей наук» — первый опыт обращения к польской истории будущего чиновника, последовательно отстаивавшего интересы Петербурга в Варшаве. Монография Н. И. Павлицева дает представление о субъективном взгляде ее автора на русско-польские отношения и одновременно представляет собой документ, ценный для истории русской полонистики XIX в.

Секция «О мастерстве литературной критики» открылась сообщением П. В. Ильина (Санкт-Петербург) «Декабристская литературная критика в освещении Б. Ф. Егорова». Доклад был посвящен особенностям авторской концепции и исследовательским принципам, нашедшим воплощение в статье Б. Ф. Егорова «О новаторстве декабристской критики» (1978), которая затем вошла в его труд «О мастерстве литературной критики». Отметим превалирующий интерес Б. Ф. Егорова к форме литературной критики декабристов

(жанрам критических статей, их композиции, стилистическим приемам), докладчик выдвинул предположение о незавершенности авторского замысла.

Н. В. Володина (Череповец) представила доклад «Когнитивные механизмы литературной критики», в котором литературная критика, наделенная своей ментальной сущностью и рассматриваемая как особый способ познания и мышления, анализируется в ее соотносительности с литературой как объектом критического описания и как воздействующим субъектом. Очертив круг специфических способов интерпретации литературных явлений средствами критики, автор доклада выявила наиболее характерные для критики ментальные репрезентации — когнитивную метафору и концепт.

Доклад И. О. Волкова и Э. М. Жиликовой (Томск) «А. В. Никитенко — читатель и критик романа А. И. Герцена „Кто виноват?“ (по материалам библиотеки профессора)» посвящен анализу читательского и критического восприятия А. В. Никитенко творчества А. И. Герцена 1840-х годов на основании помет и маргиналий профессора на страницах романа «Кто виноват?», свидетельствующих о внимании Никитенко не только к принципам художественного моделирования и к проблематике образа главного героя, но и к женскому образу, сыгравшему исключительную роль в становлении «русского ума».

В докладе «„Диаметрально-противоположен Белинскому“: Ап. Григорьев в восприятии Ю. Айхенвальда» Е. А. Тахо-Годи (Москва) обратилась к публикациям Ю. И. Айхенвальда, внесшего свою лепту в дело воскрешения имени Ап. Григорьева в эпоху Серебряного века. Е. А. Тахо-Годи продемонстрировала, что для Айхенвальда, борвшегося с культом Белинского, безусловный интерес представляли «бескорыстный эстетизм» Григорьева и противопоставление «сочиненного» всему «живородженному», «органическому», при том что стиль самого Айхенвальда воспринимался современниками как явление, диаметрально противоположное «духу» критики и Белинского, и Григорьева.

В. Н. Крылов (Казань) в своем докладе «О методологическом потенциале книги Б. Ф. Егорова „О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль“» обратился к теоретическим положениям, выдвинутым Б. Ф. Егоровым в его известном труде и обладающим значительным методологическим потенциалом. К числу таких значимых положений докладчик отнес тезис Б. Ф. Егорова о национальном своеобразии русской критики, а также тезис о важности изучения форм историко-литературных и критических высказываний в русле исторической поэтики русской критики, — особого направления, основы которого были заложены Б. Ф. Егоровым.

В докладе Е. О. Ларионовой (Санкт-Петербург) «Особенности литературно-крити-

ческой позиции А. Ф. Мерзлякова» была предпринята попытка переоценки сложившейся в истории русской критики репутации А. Ф. Мерзлякова как теоретика классицизма, не способного понять достижения новой «романтической» литературы. Анализ публичных выступлений Мерзлякова позволил сделать вывод о том, что его взгляды соответствуют среднему уровню развития эстетической мысли эпохи, а в некотором отношении и поднимаются над ним, если принять во внимание его размышления о языке как о системе, производной от общественных отношений, и о необходимости для движения эстетической мысли литературных открытий.

В докладе И. В. Кондакова (Москва) «Русская литературная критика в историческом контексте культуры» с опорой на концепцию литературно-художественной критики Б. Ф. Егорова были проанализированы ценностно-смысловые функции критики в ее линейном и циклическом развитии, а также взаимодействие критической деятельности с меняющимся социокультурным контекстом. Уделив особое внимание критикоцентризму русской культуры, сформировавшемуся уже в XIX веке в противовес литературоцентризму, докладчик пришел к выводу, что именно этот статус придал критике XX–XXI веков новые идеологические и политические функции.

К. А. Поташова (Москва) представила доклад «Русская литературная критика XIX века о живописности пушкинского художественного образа», в центре которого — рассмотрение «живописности» как ведущей категории оценки художественного мастерства А. С. Пушкина в откликах современников. В докладе прослеживается трансформация содержательного наполнения понятия «живописность» применительно к Пушкину: если в 1820-х годах под живописностью понимается только языковое богатство и красочность стиля, а уподобление поэта художнику носит метафорический характер, то начиная с 1830-х годов живописность выступает характеристикой собственно художественного образа.

Е. Л. Румановская (Израиль) выступила с докладом «Герцен-критик: принципы отбора литературных явлений», в котором были проанализированы, с учетом влияния Герцена на оценку русской литературы на Западе и на литературный процесс в России особенности подхода Герцена к современным явлениям литературы, призванной, по мысли писателя, постигать общественные процессы. Выделив в качестве основных особенностей позиции Герцена-критика идеологичность, историчность и «личностность», докладчик сформулировал возможные причины дистанцированного отношения Герцена к Достоевскому и Толстому.

А. С. Донцова (Санкт-Петербург) познакомила слушателей с докладом «„Литературная взаимность“ в контексте идей либерализма: литературная критика и литературоведческие штудии в творчестве В. Д. Спасовича»,

в котором рассматривается литературная деятельность известного адвоката и либерала В. Д. Спасовича, проходившая под знаком идеи русско-польского примирения. Особое внимание в докладе уделено «литературной взаимности» как главному инструменту выстраивания новой межкультурной коммуникативной стратегии в контексте польского либерального примиренческого дискурса.

В докладе Г. И. Щербаковой (Тольяти) «Литературная критика в журнале-газете „Гражданин“» было рассмотрено значение и состояние литературной критики в издававшемся В. П. Мещерским журнале-газете «Гражданин», объявившем себя органом консервативной партии. Охарактеризовав особенности авторской манеры и индивидуальной философско-эстетической позиции постоянных критиков журнала (В. Мещерского, Н. Страхова, Е. Белова) и отметив существенные расхождения между ними, Г. И. Щербакова показала, что именно эти имеющиеся расхождения препятствовали критике восприниматься органичной частью редакционной программы и негативно сказывались на популярности журнала.

В докладе Н. В. Кривошаповой (Приднестровская Молдавская республика) «Традиции В. Г. Белинского в медиакритике первых лет советской власти» были освещены начальный этап канонизации образа Белинского в советской культуре и усвоение его традиций в медиакритике 1920-х годов с учетом специфических особенностей новой аудитории.

Секция «Идеологические направления XIX — начала XX века: либерализм, консерватизм, славянофильство, утопический социализм, революционный демократизм, народничество» открылась выступлением Мацумуры Такэси (Япония) «Повседневная жизнь нижних чинов 2-й армии времени декабристов», в котором были проанализированы взаимоотношения между армией и местным населением по материалам военного суда и приказам по 2-й армии в эпоху декабристов. Представленные материалы показали, что, несмотря на усилия главнокомандующего армией и части командиров наладить отношения между военными и обывателями, вспыхивавшие конфликты, иногда с применением оружия со стороны солдат, нападавших на жителей с целью грабежа, составляли неотъемлемую часть гарнизонной жизни.

К. А. Баршт (Санкт-Петербург) в своем докладе «О концепте „почва“ в трудах „старших славянофилов“ и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг.» обратился к рассмотрению термина «почва» в понимании Ф. М. Достоевского с учетом взглядов на миссию русского народа до И. В. Киреевского и А. С. Хомякова. Опираясь на сопоставление трудов Киреевского, Хомякова, Ю. Ф. Самарина с высказываниями Достоевского и А. А. Григорьева, исследователь пришел к выводу, что идеология «почвенничества» совпадает со славянофильством, но, утратив черты философ-

ско-религиозной доктрины, обращена в конкретную действенную общественно-политическую программу.

Доклад О. Б. Кафановой (Санкт-Петербург) «Нравственные позиции „людей сороковых годов“» был посвящен дискуссии между славянофилами и западниками в 1840-е годы о проблемах любви и брака и роли Жюль Санд, идеи которой, как было показано в докладе, повлияли на «любовный быт» в среде западников. Вместе с тем автор доклада усмотрел соответствие между пафосом русской классической литературы, направленным на поиски идеала, и стремлением русской интеллигенции подчинить собственную жизнь этим высоким целям.

И. В. Лукоянов (Санкт-Петербург) обратился в своем докладе «Правая утопия конца XIX — начала XX в.» к некоторым сочинениям («Через полвека», «Диктатор» и др.) С. Ф. Шарапова, которого Б. Ф. Егоров рассматривал как одного из авторов правой литературной утопии. Докладчик показал, что при установке на реализацию в жизни славянофильских идеалов и господство православной церкви взгляды публициста были отмечены противоречивостью (сохранение неограниченного самодержавия, устройство России по типу США, диктатура, ставка на самоуправление), а его тексты сочетали в себе доминирующую утопию, разбавленную элементами антиутопии, и отражали как личные проблемы творчества, так и трудности правой мысли начала XX века.

В докладе Д. А. Бадаляна (Санкт-Петербург) «Борьба в русской журналистике эпохи нацистроительства» был предложен новый подход к оценке русской журналистики XIX века, которая, по мысли докладчика, отражает не столько столкновение власти и общества, представленного либералами и революционерами, сколько развернувшуюся внутри власти и общества борьбу национально-ориентированных и космополитических сил. В докладе были рассмотрены некоторые этапы и аспекты этой борьбы, намечены новые объекты исследования, а также показано, что первой общественной силой, отстаивавшей национальные интересы, были славянофилы, издания которых многократно закрывались по инициативе III отделения.

Доклад Т. В. Дячук (Санкт-Петербург) «Идеология и поэтика литературного народничества 1870–1890-х годов: перспективы современного изучения» был обращен к литературному народничеству 1870–1890-х годов, которое было рассмотрено вне традиционных оценок этого явления как «тупицкого» пути развития русской литературы, а как уникальное направление, иницируемое особым «социальным чувством» — любовью к народу, понимаемой в народническом дискурсе как добровольная жертва. Анализ идеологии и поэтики литературного народничества позволил автору доклада сделать вывод о том, что в творчестве писателей-народников был осмыслен

непреодолимый разрыв между интеллигенцией и народом.

Е. В. Рапацевич (Москва) представила доклад «Мотив святости в произведениях писателей-народников (на примере произведений Н. Н. Златовратского и Г. И. Успенского)», в котором было исследовано смысловое содержание мотива «святости» в народнической литературе в его сопряженности с понятием «народ» — ключевой народнической мифологемой, воплощающейся в образе крестьян, а также прослежено усвоение и трансформации существующей литературной традиции в изображении святости в творчестве писателей-народников.

Доклад Т. Н. Жуковской (Санкт-Петербург) «Представления С. С. Уварова о задачах российских университетов и его деятельности в 1810-х — начале 1820-х гг.», с которого началось заседание секции «Российская интеллигенция, наука, культура, образование в XIX — начале XX века», познакомил с деятельностью С. С. Уварова в должности попечителя столичного учебного округа и его начинаниями в условиях борьбы с консервативной оппозицией. В докладе была очерчена политическая позиция Уварова 1810-х годов, приверженца ответственного либерализма, сторонника переноса в Россию европейских моделей организации университетов и преподавания наук при сохранении «русского духа».

Л. А. Булгакова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Сословный подход к реформе гимназий 1828 г.», в котором было проанализировано преобразование системы народного просвещения на сословных началах, осуществленное в 1828 году при А. С. Шишкове. Непосредственным предметом рассмотрения являлся ход обсуждения проекта нового устава гимназий и выработанные особым комитетом меры для привлечения дворянских детей в государственные учебные заведения и их воспитания в духе преданности престолу. Исследованные материалы позволили автору доклада показать разногласия между членами комитета и выявить трудности, возникшие на пути реализации принятой программы.

Доклад В. Г. Вовиной-Лебедевой (Санкт-Петербург) «Общественная жизнь России конца XIX — начала XX в. по переписке А. А. Шахматова» познакомил с двумя значимыми эпизодами общественной жизни России, связанными с деятельностью академика Шахматова. Материалы переписки Шахматова с его учителем Ф. Ф. Фортунатовым позволили докладчице реконструировать реакцию на студенческие беспорядки в Петербургском университете в 1901 году Шахматова, подписавшего заявление против жестокого обращения со студентами, что чуть не обернулось для него отставкой. Помимо этого, в докладе была рассмотрена история отмены избрания Максима Горького почетным академиком и отношение к этому инциденту А. А. Шахматова.

В докладе Ю. С. Сулаберидзе (Грузия) «Восприятие Кавказа представителями российской научной интеллигенции: А. П. Берже, Е. Г. Вейденбаумом, М. А. Полиевктовым» был рассмотрен вклад в становление институциональных основ кавказоведения трех выпускников Петербургского университета, сыгравших особую роль в приобщении народов Кавказа к европейско-русской культуре, а также показано, как менялось восприятие Кавказа в различные периоды его колонизации. Особо была отмечена деятельность Полиевктова, обнаружившего закономерности проникновения России на Кавказ.

А. В. Спичак (Нижегородск), выступившая с докладом «Женщина и наука в публицистике второй половины XIX — начале XX в.», посвятившая свое сообщение анализу трех разных позиций по вопросу возможности допуска женщин к науке. Связав данный конкретный вопрос с общими дискуссиями о женской эмансипации, автор доклада очертила взгляды противников участия женщин в научной жизни — как радикалов, отказывавших женщинам в природных способностях к такого рода занятиям (Т. Л. Бишофф и др.), так и умеренных, считавших женские научные штудии помехой семейной жизни (П. Кабанис, П. Буаст, Ф. Стендаль, Ф. Г. Кленке и др.), и остановилась на аргументах в пользу женщин-ученых, выдвигавшихся их «защитниками».

Т. С. Позднякова (Санкт-Петербург) представила доклад «Перечеркнутая жизнь Александра Гавронского», посвященный судьбе забытого отечественного кинематографиста, который провел двадцать лет в лагерях, где он руководил лагерным театром. Собранные воспоминания и архивные материалы позволили восстановить линию жизни Гавронского и высветить не только механизм уничтожения человека государственной машиной, но и силу духовного сопротивления тирании.

М. М. Сафонов (Санкт-Петербург) в докладе «„Агентка Геккерн“ (А. А. Ахматова и Н. Н. Пушкина)» обратился к анализу работ Ахматовой о гибели А. С. Пушкина, оставшихся не опубликованными при ее жизни и считавшихся ею не завершенными. Рассматривая эти тексты как художественные произведения, а не как документальные исследования, докладчик обратил особое внимание на язык, которым они написаны, и выявил в нем черты, отражающие специфику политической обстановки в СССР конца 1930-х годов, когда советские политические деятели один за другим становились агентами иностранных спецслужб.

В докладе А. В. Тонковидовой (Краснодар) «Феномен русской интеллигенции в философии С. Н. Булгакова: сборные основания концептов „героизм“ и „подвижность“» анализируется содержательное наполнение указанных концептов в их отнесенности к феномену русской интеллигенции. Пояснив введенное Булгаковым противопоставление светской и религиозно-светской социальности как

явлений соборности, автор доклада показал, что в светской социальности соборность находит свою актуализацию в «героизме» коллективной личности, тогда как в религиозно-светской социальности манифестируется «подвижничество» соборной личности.

Е. С. Сонина (Санкт-Петербург) представила результаты своего исследования карикатур и шаржей, связанных с образами петербургских конных памятников. В ее докладе «Медный и другие всадники Петербурга в русской карикатуре конца XIX — первой половины XX века» известные монументы рассматривались как средство пропаганды прошлого и как объект насмешек со стороны общества, обнаруживающего свое ироническое отношение, как правило, после свержения того строя, который обслуживали данные памятники. Проведенный сравнительный анализ изображений позволил установить ценностную иерархию «петербургских всадников», среди которых по количеству шаржированных изображений лидирует «Медный всадник».

С. Ф. Шимукевич (Республика Беларусь) выступил с докладом «Уроженцы Западных губерний как часть российской интеллигенции в начале XX в.: гражданская идентичность vs национальное развитие», в котором были рассмотрены позиции представителей белорусских губерний как части российской интеллектуальной элиты в контексте решения национального вопроса в империи и разработки национальных проектов. Проанализировав позиции разных групп, докладчик выделил две ключевые группы интеллигенции западных губерний: «старую», интегрированную в имперские процессы и институты, и «молодую», сосредоточенную на продвижении национального белорусского проекта.

Д. Ф. Морозова (Ульяновск) посвятила свое выступление проблеме проникновения методов структурализма в научное описание истории. В ее докладе «Влияние структурализ-

ма на развитие исторической науки» было показано, как под влиянием структурализма в исторические исследования возвращаются «классические» критерии научности, когда историческая наука обосновывает все концепции в контексте идеи всемирной истории или некой глубинной структуры, трактуя при этом время как последовательную смену состояний, а пространство как вмещительницу разных образований, что переносит акцент на причинно-следственные связи, выявление которых и становится задачей историка.

В докладе И. И. Плехановой (Иркутск) «Сокрушение „наива“: авторефлексия социокультурного типа» было рассмотрено соотношение философии «наива» с реалистическим изображением наивных героев. На примере культурологического очерка «Конец митьков» В. Шинкарева, а также романов «Гений» А. Славовского и «Генерал и его семья» Т. Кибирова были показаны особенности рефлексии «наива» как социокультурного типа — простодушного идеалиста в ореоле юродства, творца и жертвы утопии, противопоставляемого традиционному образу «простака». Произведенный анализ позволил сделать вывод о том, что сомнения писателей в жизнестроительном потенциале «наива» имеют своим следствием модель двойной авторефлексии (самозащита ментальности автора-повествователя и сокращение героя).

2 июня с утра дирекцией Санкт-Петербургского института истории была организована поездка участников конференции и родственников Б. Ф. Егорова к его могиле на Южное кладбище, а вечером в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского состоялся вечер памяти Б. Ф. Егорова, на котором его коллеги, друзья, ученики, родные поделились воспоминаниями о замечательном ученом и человеке.

© А. П. Дмитриев,
© М. Ю. Коренева